

Западный фронт. Автомашины, штабные автобусы, брошенные немцами оккупантами при отступлении в районе Волоколамска.

Фото А. Устинова.

77 ЧАСОВ В ТАНКЕ

Почью саперы подрывали для танков проходы в крутом обледеневшем свате берега. Люди яростно вгрызались в промерзшую землю. А утром грозные машины вырвались наверх и понеслись на вражеские окопы.

Башенный стрелок Василий Логинов открыл огонь по немецким блиндажам и огневым точкам. Машина лавила, мела гусеницами. И вдруг танк налетел на фугас. Раздался взрыв. Механик-водитель Виктор Ботов ранило в ногу.

Командир машины младший лейтенант Иван Зенков открыл десятый люк, чтобы осмотреть машину:

— Подбиты гусеницы, левая сорвалась... Он не успел закончить фразу и упал сраженный вражеской пулей. Немцы стали приближаться к танку.

— Не стрелять! — приказал Логинов, принявший на себя команду.

— Пушку ташат, — заметил радист Плат Зюенко.

Немцы несколько раз выстрелили по танку. Снаряды со страшной силой ударили о машину брони. Танк согнулся и глухо гудела сталь. Потом обстрел прекратился: немцы решили, что экипаж убит.

Раненому водителю становилось так тяжело, что он начал вылезать из танка. Другая вылезла товарищу валиком, достали бинт, смочили его одеколоном, случайно оказавшимся в машине, сделали согревающий компресс.

Хотелось есть, но запасов пищи, которыми располагал экипаж, состоял всего из нескольких сухарей.

— Немцыко богатство, — пожалел Логинов. — Придется аконитить.

Валик захватил раскаты боя. Приближалась ночь. Чтобы окончательно убедить немцев в гибели экипажа, Логинов решил из машины не вылезать. Всех мучила жажда. Раненому дали капли одеколона. Сами крепилась. Ночь они потратили на детальный осмотр повреждений и подготовку к ремонту. Днем опять заглянули. И вот настала третья ночь. Зюенко и

Логинов приступили к исправлению правой гусеницы. Чтобы молоток не стучал о железо, его обернули войлоком. Это усложняло работу, но зато делало ее бесшумной. С большим трудом танкистам удалось восстановить гусеницу.

Утром советские батареи загнали фашистов в окопы. Настало время действовать. Но как завести мотор танка, простоявшего три с половиной суток на морозе? Как сделать это, не будучи замоченным немцами?

Танкисты намотали на люк бинт, смочили его смесью газойли с одеколоном, сняли внутреннюю перегородку, отделяющую мотор от водителя, и зажали бинт. Цилиндры начали прогреться.

— Витя, — дружески сказал Логинов, — тебе трудно, я поведу машину.

— Нет, Вася, умру, но доведу машину сам.

Прошло еще несколько минут томительного ожидания. Потрескивал горющий бинт. И вот цилиндры нагрелись. Ботов включил мотор, и он заработал. Одновременно раздались выстрелы пушки, треск пулеметных очередей. Логинов бил в упор по целям. Он разбил немецкий блиндаж и один за другим уничтожил два ствольных пулемета. Зюенко подбил спящим немцем фашистскую пехоту.

Немцы оторопели. Пробуждение танка, в котором три суток не было жизни, было для них неожиданностью. Они даже не стреляли.

А тем временем Ботов выключил скорость. Танк зигзагами, рыскаями, на одной работающей гусенице отходил от вражеских окопов. Он шел и лейтовал.

За свой обратный рейс танкисты уничтожили две вражеские пушки, два ДОТ, три пулемета и более 50 фашистов.

Танк пробыл в расположении немецких окопов 77 часов.

Политурк А. ХРЕНКОВ,
Политурк А. БАКАЛОВ,
Ленинградский фронт.

Зверства немцев в Таганроге

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Под пролет орудий, под свист и улюлюканье ворвались в город Таганрог солдаты армии Гитлера, отборные полки из дивизии, отмеченной двумя буквами СС и именной «Викинг». Они вошли с севера на мотоциклах, танках, на больших тяжелых автомобилях и поехали прямо в порт. Тула спешили солдаты, у которых на левом рукаве шнели белым по черному был изображен череп с костями крест-накрест. Тула спешили танкисты, автоматчики, мотоциклисты.

В порту в это время гудели буксир, тянувшие пять больших угольных барж, запряженных женщинами с детьми, стариками, подростками. Баржи отошли от причала. Немские солдаты увидели советские транспорты уже на рейде. С криком, с истерическим визгом они начали строчить из автоматов и махать руками. Они, видимо, хотели вернуть баржи к городу и решить передать свой приказ самим коротким и законным способом — выстрелом.

Копя этому приказу советские люди не подчинились, варвары, имена которых будут прокляты в веках, не задумываясь, дали залп из танков. Один, другой, третий, десятый — и одна баржа накрылась, другая носом ушла в воду, за ней последовала третья. Люди прыгали в воду, хватались за борты тонущих судов и, обессиленные, раненые огнем танков, скрывались в холодных водах Азовского моря. Немогие оставшиеся в живых плыли к матчи, за перекладными плавающими надстроек, кричали и махали белыми платками, моля о помощи.

Наблюдая эту страшную картину, немецкие солдаты невозмутимо смотрели в морскую даль, а затем, задев белые платки, рухнувшие на морском ветру, стали смеяться, как могут смеяться тупые звериные, омерзавшие еще одну победу над женщинами и детьми.

Так ознаменовало свой триумфальный вход в русский город немецкое войско. Это было 17 октября. В этот же вечер голодная толпа начала грабить магазины, рынки, фабрики, гостиницы. На Новом базаре ночью у винного склада состоялся лютый пианик. Немецкие солдаты пили вино из бутылей, из бочек, кричали, пелили, плясали и истерично играли оркестром: «Хайль Гитлер». Так славный наш город превратился в лагерь разграбленной контртеррорской фабрики, фабрики «Браслетный поясик» и гостиницы, где бантики, доведенные видом до белого каления, ложились, ревели, ревели, ревали по-русски. Всею ночью продолжалась оргия.

В момент неслаженной грабежа, насилие и лобовая казнь человека, одетый в шинель, хромил по городу и расклевывал заборы, возмущенное, которое начиналось словами: «Немецкая армия пришла и вам не для грабежа и насилие, а для введения нового порядка».

Спустя несколько дней в город вошел другой дивизии СС, именовался «Адольф

НАРОДНАЯ ЛЮБОВЬ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Отсюда вырвется смерч силы непомерной. Он отнесет дыше немецкие орудия далеко-далеко. Может быть, гитлеризм будет умерщвлен еще до того, как с необоримых этих просторов понесутся несчетные, всеметающие наши резервы, но уж если поникнется, то наверное и неограниченно изомаят, разорвет вражьи лавины и понесут далеко...

Светает. Стоит трескучий, градуев в тридцать, морозце. У проруби суетится дед Герасим Евдоким. Он ловит рыбу. В корзине и прямо на льду трещут окуни, лещи, плотвички. Как это бывает в первоначальную зимнюю пору, рыба идет совсем мелкая и тонкая. Матерые сазаны, лалымы, щуки, нагулявшие за лето жиры, задегли в глубоких водобоях, спят там и в ус не дуют.

Однако дед трудится азартно и, кажется, не уйдет отсюда, пока не выловит стальной рыбы.

Утренняя заря разгорается, и красоту декабрьского неба — синего, палевого, розового — немудрено описать. На берег, в двадцати шагах от проруби, стоят зазевавшиеся охотники и сани. Там и тут они прозаны золотом зари, и это тоже невыразимо красиво. В безмолвном, снежнотучном этом царстве есть что-то былинное, дикая красота русских сказок: необъятные, неперунтые силы, величественный покой...

Если подняться на приречной возгор, видны радугу, с малодетства любимую картину: деревни, деревушки, курчавые дымы над избами, крилатые медальоны, переноски озер, грузинских хлебом, барными туманами... И от безоблачного до безоблачного, на всех приречных и заречных землях все тот же, кажется, мир, мирный покой Войны, ее громы и пламя кажутся бесконечно далекими. Сперва и не догадываешься, что здесь рождается шквал, да еще какой шквал.

...Дед Герасим вытаскивает, наконец, джугу, чуть не в полметра нагима, восхищенно дечет:

— Те-те-те! Вот это штука!..

Замысливая что-то, повертывает голову к лугу. Там шуршит, потрескивает. С ветвей ссеет серебристый летит снежинки. Словно некий рой их подблескивают автоматы: итут красноречивые, молчаливые, разумные, радостные. Их великое множество. Они итут на джугах к наречной курчине и прямо с курчине слетают на лед и уходят вдали. А с другого берега, из заречных деревьев и туманов, слепят на заречных лещиках. Прохлада моего проруби, выше спрашивают лед о ледо, рыбу, ухе, а дед все ищет глазами своего постояльца капитана Жукова.

— Михал-то Михалыча с вами, сынки, нету?..

Лещики обрывают прорубь справа и слева, а вылезая итут вроде лещика, и их — тоже много. Все-таки дед ушел своего постояльца, сощурился и, казалось, засветился весь:

— Твою мать, Михал Михалыч, я убил!а. Поди-ка сюда.

Лещик не понимает дед, по тот так светится и так радуется чему-то, что протыкивает немомозило?

— А в чем дело?

— Да вылезла ты говорила своему то товарищу: а стоголовый, мол, все мясо за мясо, рыбки бы свежей... Ты гляди-ка, какую я тебе уху вынче свотюлю... Старик, уже много лет не заглаживший

Упадок боевого духа немецких солдат

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ, 24 декабря. (По телефону). За вчерашний день наши войска фашисты вынуждены из ряда населенных пунктов. Противники на многих участках пытаются задержать наше наступление, но, неся большие потери, отступаются назад. По пути своего отступления фашисты сжигают населенные пункты. Получившие сведения, что гитлеровские разведчики отравляют колодези в деревнях.

В заставе нами селении Р. немцы оставили во всей деревне только два дома.

причем заминировали их, а все остальные сожгли. В деревне Рубцово фашистские варвары расстреляли 78 женщин, стариков и детей.

Ряд фактов свидетельствует о резком упадке боевого духа у немецких солдат. В районе Прудиты два солдата сложили винтовки и в присутствии местных жителей заявили: «Победа за русскими. Нам обещали питание, оздоровление и теплый уют в Москве, а вместо этого имеем шлей, голод и раздеты». В этом же районе падены три трупа офицеров с отрубленными головами.

ФРОНТОВЫЕ ЗАМЕТКИ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

1. ФАЭТОН

Это был старомодный фаэтон, покрытый потемневшим от времени терым лаком. Когда «глазок» застыл и слонялся в непролазной осенней грязи, его кобылкам в Ручьевском, чтобы выжить Роканова, комиссара части. А курьером и ездовым определили Якова Голоколосова, человека уже пожилого, очень спорного и молчаливого, старая про профессию.

Голоколосову экипаж понравился. Видно было, что фаэтон много повидал на свете и терпел и худого, но не замечался, остался устойчивым и солидным, каким вынуждены его водить каретники дед мастер. Новый ездовой пелый дель вознался вокруг фаэтона, пока лак не начал стлать отражать небо, горы, долины, уходящая даль, а колеса перестали скрипеть.

С тех пор днем и ночью фаэтон всегда можно было увидеть среди танков, рядов пешеходного строя где-то в голове колонны, недалеко от комиссара. Романов пробыл усадьбу Голоколосова поглядывая в тыл, но он немаленько понадеялся вновь шагах в пятидесяти, сидя на козлах, а если шла горничная перестреляла, шагах рядом с кобылками и винтовкой, крепко зажатой в руках.

Бойцы уже привыкли к этому странному на поле боя, уж очень мирно и дружелюбно выглядеющему экипажу. От него становилось даже как-то веселее воевать, точно кусочек мирной жизни, тишина родного города, что-то близкое и дорогое вместе с ним проносило в бурный военный строй.

Бой за село А, был особенно жестокий. Часть наступала, но немцы засели на чердаках, прятаясь за крышами и из автоматов и пулеметов били по нашим. Они били по очень меткой, но слышимой, так что каждый шаг давался дорогой ценой — кровью, жалкими нашими людьми.

Комиссар шел вперед. Автоматчики и снайперы, видимо, прятаясь этого человека. Пули прлетали совсем близко от него, вырывая в груди маленькую воронку.

Вадной, потеряв обильно снаряды, кричал велик комиссару потю совсем по

Голоколосову полагалось, что если бы он был там, то каким-нибудь образом вывел бы людей. Но пробыл бы в комиссару было уже невозможно.

Тогда Голоколосов резко дернул поводки, и кобы, побавив уступать, поехали в другую сторону на командный пункт части. Добрался туда, сядомой доложки командиром, что шесть человек и среди них комиссар отрезаны от части.

— Ладно, — сказал командир. — Мы понаем отряд, чтобы он пробрал дорогу окруженным. Вы проведете отряд.

Незаметно замка выпала на долю отряда. Но он разбился на мелкие группы и упорно пробивался вперед. Ночью комиссар, товарищи, с которыми он был, и много из тех, кто пошел на помощь, вернулись в часть.

Только фаэтон и возница его не оказались среди вернувшихся. Люди стояли около лат и промучивались. Ночь была очень тихая, ослепительная, думная украинская ночь. И все время казалось, что где-то далеко слышен поют кобыт и вот сейчас покажутся кобы и смелый старомодный фаэтон, пробитый востками пуля, и возница его, как обычно, молчаливо и спокойно сидит на козлах. Но было очень тихо — никто больше не возвращался.

2. ПИСЬМО

В блиндаже было темно. Только светлый огарок в земляной нише отбрасывал слабый вечерний свет. Четыре товарища сидели на корточках вокруг котла и молча ели. Политурк вбирал слезы из кожаного пункта подкова. Немцы хитро приставляли к подкову, и лишь ночью можно было пробраться к блиндажу.

— Письмо — нестерпимо сказал политрук, но опускался в блиндаж. Он делал на выжидании, росистой травой, полагая голубу на руки, и глубоко дышал, отдыхая после трудной работы.

Личи в блиндаже сразу ощутили запах и в напряженном ожидании поворачивали в сторону. Сержант вышел наружу, взял письмо, маленький самоделанный конверт, и вернувшись обратно, перебрал обложку в свету. Несколько секунд царил молчание.

— Кому? — спросил, наконец, самый нетерпеливый.

— Павлу Доржову, — ответил сержант, медленно поворачивая голову к товарищам. Он надирал конверт и вынул прочит письмо от матери Павла товарищу, с которым прошел сотни километров, с которым рдело спал и рдело воевал, простое письмо, где между очень обыкновенными словами чувствовалась огромная нежность к сыну, тревога за него.

Он прочел до последней строчки, где была посылка товарищам (мать знала их со слов сына), письмо другу, убитому четыре часа назад пулей врага.

Наступило замученное молчание.

— Опоздало... — пробормотал кто-то.

— Надо ответить, — сказал другой.

Сержант вытаскил из полевой сумки лист бумаги и написал:

«Дорогая, любимая матушка! Вашего сына, а нашего родного брата убил немецкая пуля. Мы три раза отбивали атаки врага, и каждый раз Павел своим пулеметом косил немецкую сволочь, атаковав ее в штыки. Он обстрелял наши позиции, и казнил, даже те, кто знал его мало, думая: какой это смелый пулеметчик, встретил товарищ и первый убит».

Мы отбили, уничтожили врага, но по дороге вечером в Павла попал пуля, и он умер сразу, легкой смертью, даже не знал, что умирает. Мы хоронили нашего друга и похоронили, пока жив хоть один из нас, ковать место, как он, и беречь нашу старость, точно мы родные его братья и наши сыны. И мы будем помнить о Павле, и матери его до самой могилы. Мы написали имя его на пулемете, который будет вечно с нами, пока не кончатся наши ресурсы с врагом. Тогда мы поставим на месте, где пошел он, памятник, чтобы имя Павла не забыли о Павле Доржове, славному герою, и передали к вам, чтобы вы могли вспомнить о Павле. А если будет вам трудно, напишите нам, и мы сделаем все, что можем, потому что похоронили бы как верными и честными сыновьями».

Четыре по очереди подожгли и отбросили в слепую яму, на полной сумки молчание и тихо-тихо выдохнули свои имена и фамилии.

А. ШАРОВ.
Южный фронт.

В десятом часу утра дед Герасим возвращается в деревню.

Там и сам у заб и ворот красноармейца запрятав копей. Дышет похотило духи... Пошималя везры снега, грозно гремит танки, уходит за деревню.

На площади у школы стоит витрина. Ее посетил бойцы. Со вчерашнего дня там висит сообщение Советского Информбюро о славной победе под Москвой. У витрины стоят воины, они все еще читают и перечитывают сообщение. Дед тоже подходит к витрине, слушает, потом говорит:

— Это только звучит. Вот она — каля сила сильная. Ехал это и нальте в К, так, скажи на милость, кишка кишит: тут тебе роту, тут батальон, тут эскадрон, и танки, и самолеты, и все... В степь поешь, и там кишка кишит. И ведь, не молотые, все частые орудия. Я так думаю: каля Гитлер знала, какую ему тут петлю вылет, он бы дожилился и стал: сам бы по своей злобой воде повесился.

Над деревней пролетает эскадрилья, за ней — вторая, третья... Владеет чуть зримо несуете другие стая... А справа и слева — молынии, за мельницами и дальше — за рекой шумит танки...

Дед смотрит на небо, говорит:

— Халпа вынче по рыбу. Хочу своего ухой попотчевать... Завожьяе.

Конец карьеры Карла Гесселя

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Бесная деятельность сакоцка Карла Гесселя, солдата второй батареи 1-го дивизиона 215-го артиллерийского полка, продолжалась всего пять дней. Пять зимних дней в снегах России.

Гессель — из военного, самого последнего пополнения германской армии. На фронт он прибыл из Франции 1 декабря, а 5 декабря уже попал в плен. Гессель человек балагавый. Он разговаривал по-русски свободно. Немог работал в Лейпциге. На фронт он пришел накануне победы в жизни своей страны, о жизни города Лейпцига. Он много видел в славной теплере, а плену, каже пофологовать.

Народ в Германии гонимый. Мало кто уже верит в победу, — уныло рассказывает неуклонный белоокий немец. — Я не из дурачков, знаю, как наши умнее арты. Нам старались отучить. В кино показывали только убитых красноармейцев и разбитые русские танки. Но все шло, как уехали наши потери на Востоке, как много побоял наших солдат. Россия велика. Успело вернуться упорно и ожесточенно. Такую страну нельзя победить. Гитлер просчитался со своими планами захватить мир. Русские выдвинули ему по совету.

Гессель говорит все более раздраженно. Глядя в сторону халомы и пустыми глазами он продолжает:

— Наш пака состоит главным образом из пшавов. Все коммунисты и унтер-офицеры — шавы. Это — гупа, вышло язык. Все мы чинаются и притупляют сакоцку. Командир батальона обер-лейтенант Рудольф — шав и негодяй. Да, так и можете считать — негодяй. Он всегда вылезался из нами и мучил шрафтына упряжко-

ними на дворе: бегом, дождик, бегом, дождик. Опять бегом, опять дождик. Мой друг Шварц не выдержал и дезертировал. Я рад, если ему удалось добраться до Швейцарии. А я? Я бы тоже дезертировал, если бы не боялся за судьбу родных. Из моего батальона в городе Мулен, в юге Франции, француз отослався и был очень плохо. Фойтхольдман. В августе и сентября в Париже и Бордо было много случаев убийства немецких офицеров. И все же во Франции живось еще сповно. Тогда узнали, что немцы на Востоке, настроенные сразу ушло. Некоторые солдаты сбегали еще по дороге. На одной из станций мы встретили немецкий эшелон, возвращающийся из России. Что это было за картина... Гессель качает головой, — Это были разбитые, разстрелянные группы солдат, без друзей, без товарищей. Вы можете себе представить, немецкий солдат без испуганными! «Мы едем в Россию», — кричали нам эти солдаты, — пожалуйста... Пожалуйста скорее! Там уж ужо на второй день будете сыты по горло...»

Настоящее наше еще больше уныло. В России нас встретили мороза. Болого оздмундрования не выжили. Пошлимники и нечестки из разрабщери не грели. А наша артиллерия! Мы нальманы уже в первый раз... Нам пять братьев. Все на фронте. Хорошо, если бы всем им так по-счастливости, как мне...

— В комнате было тепло, но от все еще не мог согреться. Он стоял, забив кулаки в холку свои шавилеку.

Его военная карьера была закончена.

А. ИСАХ.
Северо-Западный фронт.